

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ! ПРОЛЕТАРІ ВСІХ КРАЇН, ЄДНАЙТЕСЯ! ПРОЛЕТАРЫ УСІХ КРАЇН, ЗЛУЧАЙТЕСЯ! PROLETARNOJ!
HAKKATI QIYON, JAK ŞAVEDI BYTUN ÖLKƏLƏRİN PROLETARLARƏ, BİRLƏŞİNİZ! - გერმანიის პროლეტარატების ერთიანობა, შეერთება პროლეტარებო ყველა ქვეყნისა, შეერთდით!

Цена номера — 10 коп.

ГОД ИЗДАНИЯ 19-й

ИЗВЕСТИЯ

Центрального Исполнительного Комитета
СОЮЗА
СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
И
Всероссийского Центральн. Исполнительного Комитета
СОВЕТОВ
Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов

№ 125 (5678)

СРЕДА

29

М А Я

1935 г.

ЧЕХОВСКИЕ ДНИ В ТАГАНРОГЕ

■ Н. ИЗГОВЕВ ■

Самую трагическую чеховскую повесть написал Максим Горький, вспоминая похороны Антона Павловича.

«Гроб писателя, так нежно любимого Москвой, был привезен в каком-то зеленом вагоне с надписью крупными буквами на дверях его: «для устриц». Часть небольшой толпы, собравшейся на вокзале встретить писателя, пошла за гробом привезенного из Манчжурии генерала Келлера и очень удивлялась тому, что Чехова хоронят с оркестром военной музыки. Когда ошибка выяснилась, некоторые веселые люди начали ухмыляться и хихикать. За гробом Чехова шагало человек сто, не более. В процессии величественно ехал толстый околоточный на толстой белой лошади».

Эти похороны, словно незажившую рану, вспоминают сейчас жена писателя Ольга Леонардовна Книппер, сестра его Мария Павловна, приехавшая из Ялты на родину, Москвин, Вишневский — старый друг и земляк Антона Павловича, не видавший родного города ровнехонько пятьдесят лет.

Встречать делегацию мхатовцев пришло на вокзал все свободное от работы население города. Множество пионеров. Город принес на вокзал розы, пурпур пионов, аромат расцветших акаций. Он умилился и растрогал мхатовских стариков своей сердечностью, он украсил свои улицы и бульвары скульптурами, тополями и липами. Вздвигнутый, жизнерадостный советский город.

Празднества еще не начались, но во всем настроении города чувствуется торжество. Для Таганрога чеховский юбилей стал прекрасным поводом демонстрации своих замечательных превращений. Нас водят в огромный парк, где пляшут, гуляют тысячи молодых людей, и литературоведы вспоминают, что здесь был дикий, провинциальный городской захлащенный, засыпанный семяной лузгой сад, в котором писатель Авдеев стал во времена своей беспризорности хулиганом. В этом освещенном саду, полном музыки, нам показывают тенистую аллею философов, бронзовую статую Петра работы Антонковского.

Мы ходим по городу. Смотрим его улицы, дома. Где тот пресловутый провинциализм, заброшенность, запущенность? Машинцы укатывают еще горячий асфальт. Город, хоть и лишенный канализации, чист и опрятен, и видно, что это будни, что чистота улиц, белизна дворов — все это органически впиталось в жизнь города, еще два года назад производившего очень унылое впечатление. Советская власть дала городу водопровод, трамвай.

Город радушно показывает заводы на месте выгонов и свалок, услужливо подсказывает цифры роста своего народонаселения, он сближает вас с живой и веселой детворой, бесчисленной, как воробьи, он открывает двери двора детей — яслей при одном из заводов, яслей, оборудование которых стоит один миллион рублей. И если бы не залитая солнцем морская бухта, если бы не паруса на далеких рыбацких фелюгах, если бы не Мария Павловна Чехова, не узнающая своего родного города, не Вишневский, разыскивающий калитку, связывавшую гимназию с его отчим домом и бывшую вратами гимназических шалостей Чехова и Вишневского, — ничто бы не напоминало вам, что вы — в Таганроге.

И мы идем по улицам Таганрога, по бывшей Собачеевке, по Полицейской улице, на которой родился Чехов, по городу, послужившему материалом для потрясающего рассказа о российской действительности — «Палата номер шесть», — идем, окруженные толпами, приветствующими мхатовцев, и, глядя вокруг, с особенной силой ощущаем, что навсегда ушла жизнь, названная Чеховым «дьявольщиной». На родине Чехова вырос прекрасный город новой жизни и новых людей...

★ ★

Так волнуется ветка древесная, когда наступает мгновение набухания почек, так напряженной тревогой наполняется сон ребенка, когда, волнуемый предчувствием, он видит первый свой сон про первый детский подвиг, так волнуется молодой командир батареи готовясь впервые облить врага дождем металла и грома. Так волнуется рожь, когда колос созрел и тяжелые зерна клонятся, тянутся книзу. Огромной внутренней благородной тревогой были наполнены все эти дни мхатовцы, прибывшие в Таганрог.

«Дядю Ваню» МХАТ ставит уже 36 лет, но здесь пьесу репетировали заново, и странно — больше всех за исход спектакля волновались те, кто выступал в ней впервые 36 лет назад, создав бессмертные классические образы, — заслуженный деятель искусства Вишневский, народная артистка Книппер-Чехова.

Заслуженный артист Хмелев метался по актерским уборным, рисуя носы, подклеивая бородки — доброволец-парикмахер, имеющий собственную студию, молодую веточку от могучего дуба МХАТ. Бродил за кулисами Москвин, все еще репетировавший коротенькую фразу к Жучке. «Молодежь» — заслуженные Ершов, Вербицкий, Мелешова молчали. Перед высоким волнением старших мастеров они таили свой трепет. Это было высокое чувство ответственности больших мастеров.

Начался спектакль. Мы вновь услышали слова о людях, что через сто лет сделают жизнь счастливой и будут презирать дядю Ваню и доктора Астрова; о том, что талантливый человек России не может быть честным; мы слышали слова, ставшие прибауткой: «Давно я, грешница, лапши не ела». Мы слышали страшный крик Чехова, обращенный к его современникам: «Безрассудно губите людей». Искренними слезами сверкал взгляд Сони-Тарасовой, когда в тишине зала пронесся ее трагический шопот — шопот русской растерянной интеллигенции: «Мы увидим небо в алмазах... мы отдохнем...»

Чехов звучал полным голосом — сильный, страстный мятежник Чехов. Он зазвучал в этот день по-новому. Новое ловили все, наполнившие в этот день театр, — от руководителей советского искусства до Жени Шатохиной, работницы завода им. Сталина, весь вечер не разомкнувшей сжатых от волнения пальцев. Нечего скрывать, плакали в театральном зале. Это был потрясающей силы спектакль, какого и в Москве не часто увидишь, это была премьера, как ее расценивали сами артисты.

Чувство ответственности театра за честь имени Чехова, исключительная творческая дисциплина и классическое мастерство Книппер-Чеховой, Вишневского, Тарасовой и других, — все это таганрогская аудитория оценила с любовной восторженностью, ибо эти чувства дисциплины и мастерства роднят каждого заводского ударника с мастером искусств.

Был большой день в советском театре, и этот день прошел триумфально. Когда лестницами цветов опало волнение зрителей и артистов, мы группой шли в санаторий, любезно предоставленный городом гостям. Еще томимые переживаниями вечера, артисты шагали по улицам замечательного Таганрога и услаивались всем коллективом сегодня же смотреть местную труппу, ставящую «Вишневый сад», и рабочую труппу, ставящую «Травнату». Неутомимые мастера искусства. Они протягивали товарищескую руку грузчику, поющему Альфреда, сегодня еще раз убедившись, какой лучезарный век искусства наступил в Советской стране. Мастера, они увидели ангелов. Зрители, мы увидели небо в алмазах.

ТАГАНРОГ, 28 мая. (По телеграфу).